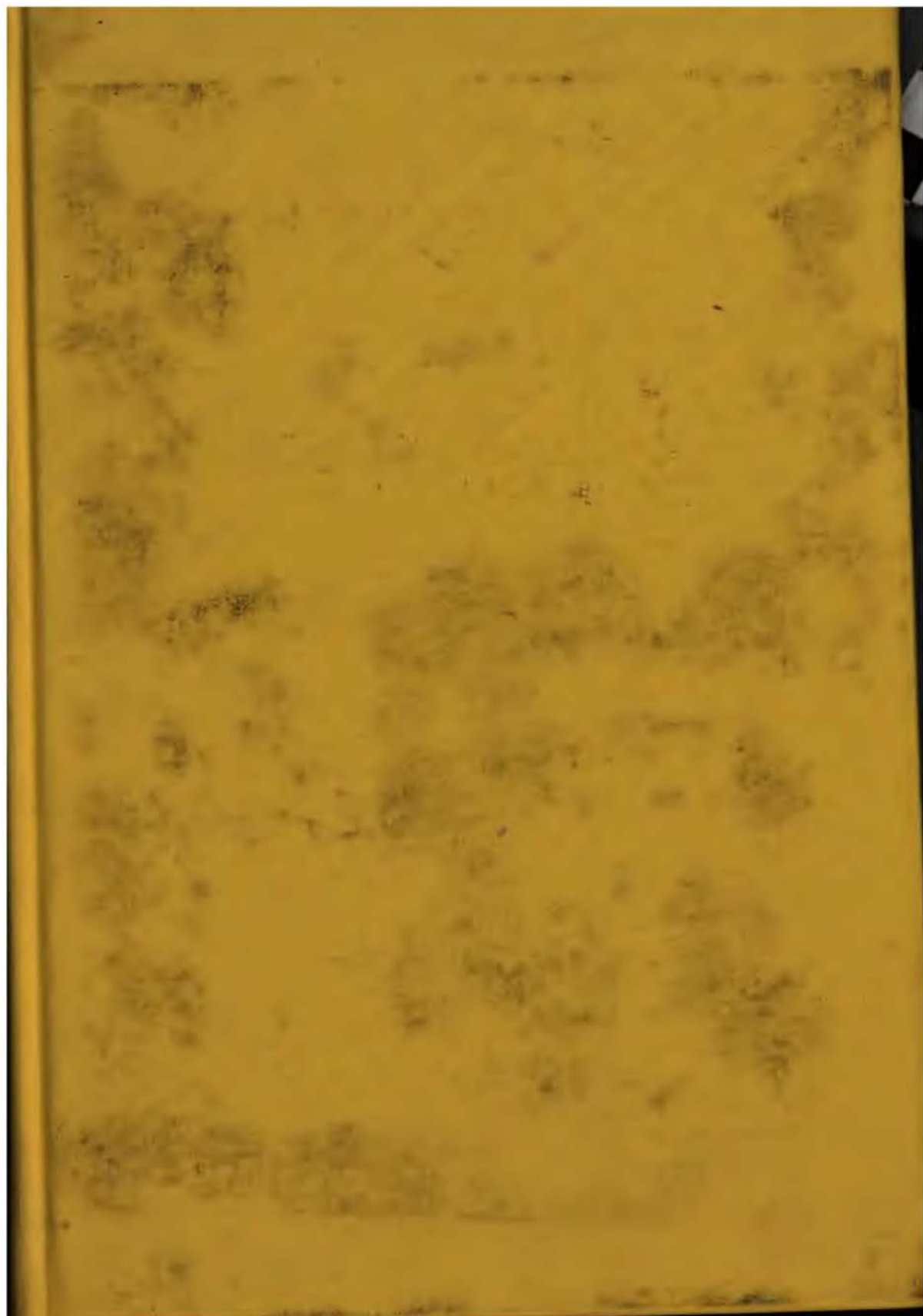

К правдѣ.

STANFORD LIBRARIES

„Къ Правдѣ“.

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

Съ участіемъ гг.: Блюсова И., Вентцеля К., И-
талинина Р., Гославскаго Е., Джигелевича А., Ела-
теевскаго С., Залётнаго Н., Каменецкой Е., Ко-
вальскаго К., Коженикова П., Мандельштама М.,
Р—ва В., Скитальца, Стражева В., Тухомицкаго П.,
Тимковскаго Н., Телешова Н.

МОСКВА.

Издание магазина „Книжное Дѣло“.

1904.

ТК

PG3227

K2

Дозволено цензурою. Москва, 31 марта 1903 г.

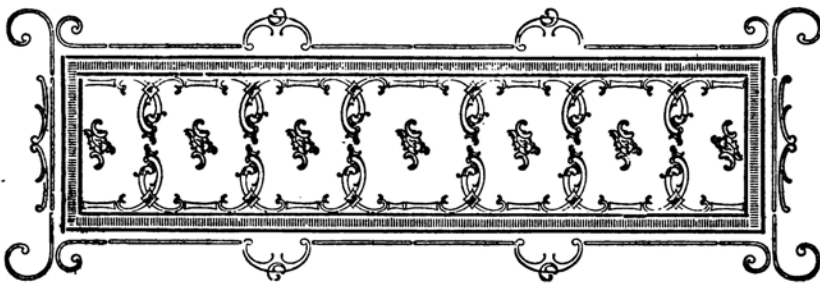

Типо литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва.—1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Стихотвореніе И. Бѣлоусова	1
II. Въ лѣсу (лирическій отрывокъ). Н. Залѣтнаго	2
III. Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи. К. Н. Вентцеля	7
IV. Кн. Георгій Александровичъ Дадіани (по личнымъ воспоминаніямъ). В. Р—ва	34
V. Соборный колоколъ (повѣствованіе). Н. А. Новальскаго	49
VI. Этические идеалы Нитцше. М. Мандельштама	82
VII. Все въ себѣ (разсказъ). Е. Гославскаго	108
VIII. Соціальная наука и соціальная философія. А. Дживелегова	160
IX. Пѣсни скитальца. Скитальца	185
X. Антонъ Чеховъ и Максимъ Горькій. В. Стражева	186
XI. Собиратель (разсказъ). П. Кожевникова	207
XII. Другу (стихотвореніе). Р. А. Виталина	220
XIII. Пзъ записной книжки (картинка.) С. Елпатьевскаго	221
XIV. Прототипы Базарова. (По поводу 40-лѣтія „Отцовъ и Дѣтей“ Тургенева и 20-лѣтія смерти его). В. Тухомницкаго	227
XV. Порывъ (стихотвореніе). Р. А. Виталина	285
XVI. Эстетика и нравственность. Н. Тимковскаго	286
XVII. Сильная (разсказъ). Стефана Жеромскаго . Перев. съ польскаго Е. Каменецкой	301
XVIII. Стихотвореніе И. Бѣлоусова	326
XIX. Призраки. Н. Телешова	327
XX. Съ послѣднимъ поѣздомъ. Ганса Оствальда . Пер. съ нѣмецкаго	335

Эстетика и нравственность.

Какъ бы мы ни смотрѣли на эстетику и нравственность, какъ бы мы ни опредѣляли ихъ, мы не перестанемъ испытывать по временамъ того особаго ощущенія, когда красота тянетъ насъ въ одну сторону, а требованія нравственности—въ другую.

Можетъ быть, эстетика и нравственность вырастаютъ изъ одного корня, скрытаго въ недоступной для сознанія глубинѣ души? Можетъ быть, противорѣчiе между ними—только кажущееся? Какъ бы мы ни рѣшали это, но нашъ субъективный вопросъ о коллизіи между красою и нравственностью внутри насъ—остается во всей своей жгучей силѣ. Это—психологическій фактъ, извѣстный намъ по нашему внутреннему опыту, и съ нимъ поневолѣ приходится иногда считаться очень серьезно. Тутъ—жизненный вопросъ, рѣшеніе котораго не всякому дается легко: вспомните, напр., героя Гаршинскихъ «Художниковъ» и всю ту мучительную внутреннюю драму, которую онъ пережилъ.

Пусть красота и нравственность сливаются въ концѣ-концовъ въ одно общее русло гдѣ-нибудь въ метафизической дали-заманчивой для взора, но намъ отъ этого не легче въ тѣ моменты, когда онѣ рвутъ насъ въ разныя стороны. Философскою мыслью мы можемъ усматривать родство между ними, но по непосредственному внутреннему опыту должны признать, что эти

родственники иногда не уживаются между собой, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ. Тутъ-то мы и ощущаемъ, подчасъ очень больно, все различіе между ними, хотя еще Цадеронъ сказалъ, что «различіе это легче почувствовать, чѣмъ изложить».

Будемъ ли мы разумѣть подъ нравственностью исполненіе нравственнаго долга или дѣятельную любовь къ ближнему, во всякомъ случаѣ, какъ только происходитъ въ насъ столкновеніе эстетики съ нравственностью, мы легко можемъ замѣтить особенныя черты, отличающія чисто эстетическія эмоціи отъ моральныхъ движеній души.

Шопенгауэръ тонко уловилъ одну изъ характерныхъ чертъ прекраснаго, когда опредѣлилъ эстетическое настроеніе души, какъ успокоеніе воли въ созерцаніи: воля уже не эксплуатируетъ жизнь, не воздѣйствуетъ на нее, а безкорыстно наслаждается. Въ этомъ *пассивный* характеръ впечатлѣній прекраснаго, между тѣмъ, какъ нравственность требуетъ дѣятельнаго отношенія къ жизни, требуетъ борьбы: она побуждаетъ насъ не подчиняться рабски впечатлѣніямъ, а оцѣнивать *явленія* жизни съ точки зрѣнія нравственнаго принципа или идеала и *воздѣйствовать* на нихъ.

Вотъ въ этомъ-то различіи и кроется одна изъ причинъ вражды между эстетическимъ и моральнымъ въ душѣ человѣка. Красота, овладѣвая нами, застилаетъ передъ нашими глазами неприглядную дѣйствительность или скрашиваетъ ее порой до неузнаваемости. Благодаря ей, мы можемъ получать эстетическое наслажденіе отъ картинъ, гдѣ изображены кровопролитныя битвы, штурмы, гибель, разрушеніе, казни; но если мы вспомнимъ и живо представимъ себѣ настоящія, дѣйствительныя раны, подлинныя муки и стоны, то эстетическое впечатлѣніе исчезнетъ, и останется одно состраданіе, ужасъ или негодованіе. Бушующее море перестанетъ производить на насъ впечатлѣніе величественно прекраснаго, если въ немъ на нашихъ глазахъ будутъ тонуть люди или если намъ самимъ придется бороться съ нимъ за жизнь: въ обоихъ случаяхъ намъ будетъ не до красоты. Какъ острое чувство состраданія, такъ и напряженіе воли плохо вяжутся съ чисто эстетическими эмоціями.

Эстетика можетъ гипнотизировать человѣка, усыпляя въ немъ нравственные импульсы, безпокойную совѣсть, пытливость моральной мысли. Римскіе цезари хорошо понимали это, когда наркотизировали толпу зрѣлищами, въ которыхъ не послѣднюю роль играла эстетическая обстановка,—яркія краски, впечатлѣнія грандіознаго. Католическіе обряды и пышныя процессіи точно такъ же гипнотизируютъ массу своей помпой. И вообще всякіе парады, празднества, грандіозныя картины, музыка, хоры, вѣнки, фейерверки сильно дѣйствуютъ на массу своей эстетической стороною, убаюкивая въ человѣкѣ критическую мысль и заслоняя передъ нимъ нравственную истину.

Сколькій путь, по которому красота можетъ заползать въ самую сердцевину нашего моральнаго «я», заключается въ ея *примирающемъ* вліяніи. А примиряетъ она по-своему: она не оправдываетъ факта, не истолковываетъ его смысла; нѣтъ, она просто находитъ для него такія формы, въ которыхъ фактъ является передъ нами, такъ сказать, своей праздничной стороною и вслѣдствіе этого даетъ намъ особаго рода удовлетвореніе: *эстетическое*. Для того, чтобы зрѣлище злодѣйства, насилія дало намъ въ концѣ-концовъ *нравственное* удовлетвореніе, нужно, чтобы злодѣй понесъ кару или нравственно переродился, нужно, чтобы такъ или иначе справедливость заявила свои права; для эстетическаго же удовлетворенія требуется только, чтобы злодѣй представлялъ собою нѣчто художественно законченное. Ясно, что ни эстетическое чувство, ни эстетическое удовлетвореніе, взятые сами по себѣ, не противорѣчатъ нравственному, такъ какъ тутъ не происходитъ никакого оправданія факта; но косвенно они могутъ вредить интересамъ нравственности, отвлекая наше вниманіе отъ моральной оцѣнки факта: получивъ эстетическое удовлетвореніе, мы иногда склонны успокоиться на этомъ и не искать нравственнаго. Мало того: нравственное зло, облекшись въ праздничный нарядъ красоты, можетъ незамѣтно вызвать въ насъ одобреніе. Вѣдь, эстетика не вступаетъ въ открытую борьбу съ моралью: она просто надѣваетъ на жизнь привлекательную эстетическую маску, и мы перестаемъ видѣть передъ собой некрасивую дѣйствительность. Мора-

листь, ненавидящій войну и въ то же время очень чуткій къ красотѣ, можетъ увлечься прекрасными формами, въ которыя облакають иногда военный героизмъ искусство или сама жизнь. Конечно, здѣсь для него прекрасны будутъ лишь героизмъ, энергія, отвага, а не кровопролитіе; но дѣло въ томъ, что и въ жизни и въ художественномъ произведеніи отдѣльныя черты сливаются нерѣдко въ одно неразрывное органическое цѣлое, и зрѣлище кровопролитія, рѣзни, разрушенія, выступивъ подъ великолѣпнымъ флагомъ героизма, можетъ разбудить въ насъ не только героическіе, но и прямо кровожадные инстинкты. Еще незамѣтнѣе это можетъ произойти, когда въ эстетическія формы наряжается развратъ: донжуанизмъ, явившись передъ нами во всемъ своемъ эстетическомъ парадѣ, можетъ показаться намъ очень привлекательнымъ, и мы проморгаемъ всю его некрасивую закулисную сторону, какъ тѣ старцы, которые любовались Еленой, виновницей Троянской войны, когда она появилась передъ ними на стѣнахъ Трои.

Обращаясь къ музыкѣ, мы должны признать, что она можетъ дѣйствовать какъ на лучшія стороны души, такъ и на грубые инстинкты. Одинъ молодой солдатъ говорилъ, что, когда онъ слышитъ звуки военного марша, имъ овладѣваетъ азартъ: «Отца родного разорву на части!» Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, какимъ сильнымъ и ядовитымъ наркотомъ оказываются сплошь и рядомъ музыка, пѣніе и разнаго рода эстетика во всякихъ притонахъ, лѣтнихъ садахъ, увеселительныхъ заведеніяхъ: на восприимчивыхъ къ такимъ формамъ эстетики людей она дѣйствуетъ, какъ дурманъ. Соблазнительныя картины, въ которыхъ любятъ иногда изощряться живописцы, дѣйствуютъ прежде всего на грубую чувственность массы — и тѣмъ неотразимѣе, тѣмъ незамѣтнѣе, чѣмъ привлекательнѣе эстетическая чадра, накидываемая на картину художникомъ; лишь отдѣльныя лица вынесутъ чисто эстетическое впечатлѣніе, а для остальныхъ эстетика въ этомъ случаѣ сыграетъ предательскую роль: введя измѣннически въ ихъ душу рой совсѣмъ не эстетическихъ ассоціацій, она затеряется между ними и ступается.

Теперь посмотримъ, какое гнѣздо свила себѣ эстетика въ

мирныхъ обывательскихъ квартирахъ. Эстетическая обстановка уже сама по себѣ какъ-то предрасполагаетъ смотрѣть въ полглаза на неэстетическую подкладку ея. Когда у богатаго буржуа стѣны квартиры увѣшаны картинами, жена играетъ, а дочери (всѣ очень мило одѣтыя) поютъ, когда обѣденный столъ блещетъ красивой сервировкой, а въ гостиной разбросаны альбомы художественныхъ произведеній.—не мѣшаетъ ли это до нѣкоторой степени видѣть въ истинномъ свѣтѣ цѣну этой эстетики и всей этой буржуазной жизни? Не скрашивается ли этимъ то, что само по себѣ некрасиво, и не дѣлается ли импонирующимъ завѣдомо ничтожное? Чадолюбивыя матери инстинктивно чувствуютъ коварную силу эстетики, когда обучаютъ дочерей музыкѣ «подъ жениха». Одна старая дьяконица, давно овдовѣвшая, признавалась мнѣ по секрету, что въ молодости плѣнила своего будущаго мужа единственно бѣглою игрой на фортепьяно легкихъ танцевъ: бравурная игра производила на только что кончившаго семинариста ошеломляющее впечатлѣніе.

Меня могутъ упрекнуть, зачѣмъ я спускаюсь въ такія низины эстетики, тогда какъ есть серьезная эстетика и серьезное отношеніе къ ней?

Да, есть и золото въ эстетикѣ, но, къ сожалѣнію, мелкой мѣдной монеты въ миллионъ разъ больше. «Дешевая» эстетика страшно популярна и гораздо больше вліяетъ на жизнь массы, чѣмъ величавыя вершины эстетики. Посмотрите и прислушайтесь: вездѣ играютъ на музыкальныхъ инструментахъ, поютъ, рисуютъ, пишутъ, устраиваютъ спектакли и т. д.; вездѣ «играютъ въ эстетику», и этотъ эстетическій флиртъ иногда какъ нельзя лучше прикрываетъ собой нравственное убожество, какъ та предательская травка, которая дѣлаетъ вязкую трясину похожей съ виду на прелестный зеленый лужокъ.

Если эта дешевая, популярная эстетика не возвышаетъ челоуѣка, а гораздо чаще усыпляетъ его совѣсть и поддерживаетъ въ немъ нравственный индифферентизмъ, то причина этого кроется отчасти, какъ мы уже отмѣтили выше, въ самомъ существѣ эстетики, а слѣдовательно даже серьезныя, высокія формы ея могутъ оказывать на душу аналогичное вліяніе. Мнѣ

хочется послушать очень хорошую музыку или насладиться величественной картиной природы, а я долженъ сидѣть у постели больного или нравственно обязанъ заняться какой-нибудь скучной прозаической работой. Мои эстетическія стремленія вполнѣ законны, и, кромѣ хорошаго, ничего въ нихъ нѣтъ, а, между тѣмъ, они могутъ заставить меня позабыть о больномъ или не исполнить какого-нибудь нравственного обязательства. Согласитесь, что между самымъ чистымъ эстетическимъ порывомъ и самымъ обязательнымъ требованіемъ нравственного долга или чувства можетъ возникнуть въ нѣкоторыхъ случаяхъ самое вопіющее противорѣчіе: одна сила тянетъ меня въ міръ красоты, а другая велитъ мнѣ стать лицомъ къ лицу съ изнанкой жизни, вмѣшаться въ сутолоку ея и бороться съ многочисленными и безобразными язвами некрасивой дѣйствительности.

Противорѣчіе между эстетически-красивымъ и нравственно-добрымъ хорошо понималъ еще Платонъ. Восхищаясь эстетически Гомеромъ, онъ подвергаетъ его въ то же время строгой нравственной цензурѣ. Устраивая свое теоретическое государство на началахъ нравственности, Платонъ, во имя нравственной истины и борьбы за нравственный идеалъ, изгоняетъ поэтовъ и отдастъ искусство подъ строжайшую цензуру: и это—человѣкъ, который тонко понималъ прекрасное, былъ чутокъ къ красотѣ и доказывалъ ея сродство съ нравственностью!

Въ тѣ эпохи, когда общественное зло становится особенно ощутительнымъ, въ лучшихъ людяхъ невольно обостряются нравственныя требованія. Такъ было въ эпоху упадка Рима, когда развился стоицизмъ, а потомъ появилось христіанство. Естественно, что стойки и христіане, одушевленные нравственнымъ идеаломъ, очень сурово относились къ красотѣ: если близкій вашъ боленъ или переживаетъ тяжелый кризисъ, все ваше вниманіе направлено къ тому, чтобы спасти его, и вамъ въ ту пору не до эстетики. Въ эпоху 60-хъ годовъ у насъ, на ряду съ обострившимися среди интеллигенціи требованіями общественной морали, понизился спросъ на красоту и ослабло или сузилось эстетическое чувство въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Намъ станеть понятнымъ тогдашнее озлобленное гоненіе

на эстетику, если мы припомнимъ ненавистный для передовыхъ людей того времени типъ крѣпостника—эстетика, разившійся на почвѣ крѣпостного труда. Это—тотъ любитель эстетики, у котораго «амуры и зефиры всѣ распроданы по одиночкѣ», тотъ, который могъ спокойно любоваться сельскимъ ландшафтомъ или слушать, какъ жена его играетъ ноктюрны Шопена въ то самое время, когда изъ конюшни доносились совсѣмъ не эстетическіе вопли наказуемыхъ. И. И. Игнатовичъ въ своей книгѣ «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія» рассказываетъ про одного помѣщика Б., который во время представленія его крѣпостной труппы ходилъ «съ трубкой во рту, въ халатѣ и ночью колпакѣ между кулисами, подбадривая словами и жестами своихъ крѣпостныхъ артистовъ». Играли «Дидону». Въ одной сценѣ барину не понравилась игра артистки, исполнявшей роль Дидоны. «Онъ быстро идетъ на сцену и хлещетъ по щекамъ несчастную Дидону со словами: «Я говорилъ, что поймаю тебя на этомъ. Послѣ представленія ступай на конюшню за заслуженной наградой». Дидона, поморщившись отъ пощечины, приняла снова гордый видъ и продолжала свою арію». «Въ театрѣ графа Каменскаго въ Орлѣ висѣла огромная плеть; во время антрактовъ графъ снималъ ее, лично шелъ за кулисы и тамъ собственноручно рассчитывался съ провинившимися артистами такъ, что вопли наказуемыхъ отчетливо слышались зрителямъ»... У помѣщика Н. И—ча Б. (рассказываетъ сельскій священникъ) былъ хоръ, пѣвшій также и въ церкви. «Если кто, къ несчастію, чуточку сфальшивить, т.-е. вмѣсто діезной или бемольной нотки возьметъ простую, Н. И—чъ, пропуская мимо себя послѣ обѣдни пѣвчихъ, говаривалъ: «Ты, Саша, опять сфальшивила: въ «Достойно»—ля діезное; а ты, Даша, въ концертѣ въ «Пріидите»—ди-фисъ». Это говорилось самымъ нѣжнымъ тономъ; даже иногда Н. И—чъ, улыбаясь, по подбородку погладить; но всѣ ужъ очень хорошо знали, что значили эти діезы и бемоли! Регентъ сейчасъ долженъ былъ сказать объ этомъ управляющему, а тотъ вкатывалъ и Сашѣ, и Дашѣ уже безъ всякой фальши. Цѣна діезовъ и бемолей была извѣстна: 25 розогъ. Вечеромъ эти же Саша и Даша

должны были играть въ домашнемъ театрѣ на сценѣ и разыгрывать какихъ-нибудь княгинь и графинь. Въ антракты баринъ входилъ за кулисы и говорилъ: «Ты, Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль; графиня NN должна держать себя съ достоинствомъ». И 15—20 минутъ антракта Сашѣ доставались дорого: кучеръ поролъ ее съ полнымъ своимъ достоинствомъ! Затѣмъ опять та же Сапа должна была или держать себя съ полнымъ достоинствомъ, или играть въ водевилѣ и отплясывать въ балетѣ».

Конечно, не эстетика виновата въ томъ, что эти любители искусства были такъ нравственно низменны и грубы; но, тѣмъ не менѣе, если бы они не были столь пристрастны къ своей эстетикѣ, то людямъ ихъ меньше досталось бы розогъ; если бы фальшивая нота не оскорбляла въ такой степени музыкальное ухо Н. И—ча Б., то и Сашѣ, и Дашѣ жилось бы легче. Во всякомъ случаѣ эстетика нисколько не мѣшала этимъ любителямъ искусства быть звѣрями. У болѣе же мягкихъ господъ эстетика сплошь и рядомъ порождаетъ безглаголитое отношеніе къ массѣ изъ-за ея неэстетичности.

Должно быть, душа человѣка не настолько широка, чтобы въ ней могли мирно ужиться и эстетическія, и моральныя стремленія: одни зовутъ его къ наслажденію красками жизни, а другія повелѣваютъ ему воздѣйствовать на ея темныя стороны. Поэтому вопросъ естественно сводится къ тому, какое мѣсто отвести эстетикѣ и нравственности, согласно требованіямъ идеала, который шире и выше красоты и морали, взятыхъ отдѣльно, и который слѣдовательно является для насъ высшимъ критеріемъ?

Всмотримся въ этотъ конечный идеалъ. Такъ какъ нравственная воля направляется на борьбу со зломъ, на исцѣленіе язвъ жизни и на устраненіе изъ жизни дисгармоніи, то въ конечномъ идеалѣ нравственность становится ненужной, какъ лѣкарство для выздоровѣвшаго. Торжество ея заключается именно въ томъ, чтобы сдѣлаться лишнею—все равно, какъ задача воспитателя, чтобы воспитанникъ умѣлъ, наконецъ, обходиться безъ его помощи.

Но нравственность может естественно ступеваться только тогда, когда она сдѣлаетъ до конца свое дѣло. А пока въ жизни существуетъ зло, нашъ прекрасный идеалъ остается запятаннымъ: въ немъ не можетъ быть полной, неотравленной ничѣмъ красоты, и потому онъ не можетъ дать намъ полного, свѣтлаго удовлетворенія. Отсюда ясно, что для торжества высшаго идеала необходимъ длинный рядъ нравственныхъ усилій, упорная борьба съ темными сторонами жизни.

Нашъ идеалъ и цѣль нашихъ усилій есть праздникъ, т.-е. свѣтлая, гармоническая жизнь, созданіе истинно прекраснаго и радостное наслажденіе имъ; но существующая дѣйствительность представляетъ изъ себя будни. Степень нашего приближенія къ идеалу будетъ зависѣть прежде всего отъ нашей будничной дѣятельности. Чѣмъ дороже намъ идеалъ, тѣмъ больше труда вложимъ мы въ борьбу съ обезображивающими человѣка и его жизнь вредными и болѣзненными наростами. Вѣдь, пошлость, безобразіе или отсутствіе красоты въ человѣческихъ лицахъ, чувствахъ, рѣчахъ, манерахъ, образѣ жизни, въ ихъ жилищахъ, обстановкѣ, костюмѣ зависятъ въ огромной мѣрѣ отъ нужды, отъ непосильнаго, отупляющаго труда, отъ умственной и нравственной темноты. Громадная масса принуждена съ дѣтства жить среди внѣшней и внутренней грязи, среди тысячи уродливыхъ условій, въ которыя ставитъ человѣческую личность нищенское и безправное существованіе. Стремясь къ уничтоженію этихъ условій, какъ того властно требуетъ нравственное сознаніе и чувство, человѣкъ дѣйствуетъ въ интересахъ прекраснаго больше, чѣмъ тѣ, которые спокойно оставляютъ обездоленныхъ жить въ каторжной обстановкѣ и только по временамъ подслащиваютъ ихъ существованіе эстетической патокой. Здѣсь нравственность нужнѣе эстетики, и мы, работая во имя совѣсти, сослужимъ для той же красоты болѣе вѣрную службу, чѣмъ работая во имя эстетики. Рескинъ совершенно правъ, говоря, что главное препятствіе для достиженія красоты есть нищета, что если въ насъ молчитъ гуманное чувство, то пусть хоть эстетическое побуждаетъ насъ бороться противъ этого зла. По его убѣжденію, пока люди страдаютъ отъ голода

и холода, пока на каждомъ шагѣ встрѣчаешь впалыя щеки отъ непосильной работы и всякаго гнета,—до тѣхъ поръ никакое искусство немислимо. Все золото,—говоритъ онъ,—которое мы затрачиваемъ на искусство, въ то время, какъ нужда царитъ въ жизни, есть пропавшее золото для живой эстетики. Съ его точки зрѣнія, стыдно находить удовольствіе въ роскоши туалетовъ немногихъ женщинъ, когда большинству не во что одѣться, когда болѣзни, холодъ, невзгоды и муки жизни лишаютъ ихъ человѣческой красоты. Людей, для которыхъ эстетика сосредоточивается въ картинныхъ галлерейхъ и выставкахъ, въ театрахъ, концертахъ и произведеніяхъ изящной словесности, едва ли смутятъ горячія тирады Рескина. Но мы имѣемъ въ виду эстетику во всемъ ея живомъ объемѣ, ту «живую» эстетику, уголокъ которой отражается въ искусствѣ, но которая можетъ быть разлита по всей жизни. Мы разумѣемъ не крошечный красивый оазисъ, затерявшійся среди необъятной и утрюмой пустыни, а всю эту необъятную ширь, усѣянную блестками красоты. Съ точки зрѣнія маленькаго оазиса, гдѣ наслаждается прохладой и изобиліемъ горсточка счастливецъ,—какая-нибудь выхоленная дама въ дорогомъ и на диво красивомъ костюмѣ, или какой-нибудь дворецъ, выстроенный по всѣмъ правиламъ эстетики архи-милліонеромъ, не знающимъ, куда дѣвать деньги и чѣмъ занять себя, или сладкогласный пѣвецъ, поющій вотъ для такихъ дамъ и милліонеровъ, или поэтъ, постыдно равнодушный ко всему, кромѣ своей поэтической особы, излагающій въ красивыхъ, оригинальныхъ созвучіяхъ собственныя поэтическія настроенія,—все это для счастливыхъ обитателей оазиса можетъ казаться чѣмъ-то очень прекраснымъ и значительнымъ, но для людей, которые видятъ передъ собой и за собой, и кругомъ себя эту безбрежную мрачную пустыню, всѣ эти эстетическія блестки невольно представляются мишурой, вся эта дорого стоящая эстетика покажется дешевой, и на ряду съ красотой оазиса они увидятъ въ немъ кричащую дисгармонію, и самый оазисъ будетъ въ ихъ глазахъ заплатой изъ дорогой красивой матеріи на грязномъ и рваномъ мужицкомъ зипунѣ.

Да, нельзя отдать себя на служеніе красотѣ ради красоты,

искусству ради искусства, нельзя дѣлать изъ эстетики дѣло своей жизни: жизнь со всѣхъ сторонъ вопіетъ о другомъ дѣлѣ. Ненормально существованіе человѣка, посвятившаго себя культивированію красоты: въ его жизни и дѣятельности есть зіяющій пробѣлъ, уродливое несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью, съ ея законами и запросами, съ насущными интересами массы. Онъ торопится сорвать незрѣлый плодъ, перенести блѣдный, искаженный идеалъ въ нашу столь далекую отъ идеала дѣйствительность, и эта смутная тѣнь идеала, въ которой онъ ищетъ удовлетворенія, застилаетъ передъ нимъ черты истиннаго идеала. Онъ силится закрыть глаза на реальную жизнь, но сквозь эстетическую оболочку, созданную имъ, все-таки просвѣчиваетъ грязная изнанка жизни. Онъ перестанетъ замѣчать ее только тогда, когда сдѣлается совсѣмъ слѣпымъ и глухимъ, т.-е. превратится въ калѣку.

Итакъ, если идеаломъ своимъ мы признаемъ прекрасное въ широкомъ смыслѣ, то *принципомъ* нашей жизни и дѣятельности должно быть нравственное. Исходя изъ этого, мы при столкновѣніи внутри насъ эстетическаго стремленія съ моральнымъ требованіемъ должны отдавать предпочтеніе послѣднему.

Но тутъ намъ грозитъ другая опасность. Уклонившись отъ Сциллы, мы рискуемъ наткнуться на Харибду. Если мы сдѣлаемъ изъ всей нашей жизни лишь средство для достиженія идеала и уйдемъ съ головой въ будничную дѣятельность, мы можемъ потерять самое представленіе о праздникѣ, т.-е. объ идеалѣ. Средство незамѣтно станетъ для насъ цѣлью, и мы будемъ не жить, а добросовѣстно тянуть лямку, сами не зная, для чего и во имя чего. Разъ будетъ утраченъ нами конечный смыслъ нашихъ усилій, мы можемъ дойти незамѣтно до того, что станемъ насаждать вмѣсто однихъ невыносимыхъ буденъ другіе, столь же невыносимые, вмѣсто одной лямки—другую. Необходимо по временамъ ощущать на себѣ вѣяніе идеала, чтобы жизнь не перестала быть жизнью. Если усилія нравственной воли, исправляя безобразія дѣйствительности, оказываютъ великую услугу интересамъ эстетики, то здѣсь, наоборотъ, эстетика можетъ спасти человѣка отъ полнаго порабожденія его сѣ-

рой будничной лямкой: впечатлѣнія прекраснаго напомнятъ ему, что въ жизни есть и должна быть не одна только борьба, не одна лямка...

Такимъ образомъ мы видимъ, что эстетика и нравственность подаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ другъ другу руки. Да и можетъ ли быть иначе? Вѣдь, между красотой и нравственностью нѣтъ кореннаго противорѣчія. Никто не скажетъ, чтобы онѣ были противоположны другъ другу, какъ зло—добру, мракъ—свѣту. Красота формъ, прелесть звуковъ—все это, взятое само по себѣ, внѣ коллизіи съ моралью, нравственно безразлично. Мало того: есть цѣлый рядъ такихъ эстетическихъ впечатлѣній, которымъ присущи прямо нравственные элементы. Одно зрѣлище звѣзднаго неба можетъ возвышать душу, вносить въ нее живое представленіе о міровой гармоніи и отрывать человѣка отъ погони за мелкими личными интересами. Когда эстетика, давая намъ ощущеніе гармоніи, поддерживаетъ въ насъ любовь къ жизни, тогда она является вѣрной союзницей нравственности. Вѣдь, въ постоянной борьбѣ съ уродствами жизни можно растерять любовь и интересъ къ самой жизни, невольно обезцѣнить ее, какъ вмѣстилище всевозможныхъ безобразій и пошлостей, или надорваться душой и лишь автоматически продолжать прежнюю борьбу. Вотъ тутъ-то примиряющее вліяніе эстетики, которое во многихъ случаяхъ представляетъ серьезную опасность для совѣсти,—тутъ-то именно можетъ оказаться спасительнымъ: усталая душа отдыхаетъ отъ мрачной дѣйствительности и опять начинаетъ вѣрить въ возможность хотя бы слабаго, смутнаго мерцанія идеала среди унылыхъ сумерекъ жизни. Превосходной иллюстраціей такого спасительнаго вліянія эстетики можетъ служить очеркъ Гл. Успенскаго: «Выпрямила». Истерзанный безотрадными картинами дѣйствительности, человѣкъ увидалъ въ Луврѣ Венеру Милосскую и вдругъ почувствовалъ, что съ нимъ «случилась большая радость». «Что-то, чего я понять не могъ, дунуло въ глубину моего скомканнаго, искалѣченнаго, измученнаго существа и выпрямило меня... наполнило расширившуюся грудь, весь выросшій организмъ свѣжестью и свѣтомъ».—«Ну, слава Богу, еще можно жить на бѣломъ свѣтѣ!»

говоришь онъ себѣ. Онъ ощущалъ себя человѣкомъ, онъ видѣлъ воочию, до какой степени можетъ быть прекраснымъ *человѣческое существо*: такой красоты сейчасъ нѣтъ ни въ комъ и ни въ чемъ и въ то же время «есть въ *каждомъ* человѣческомъ существѣ»; надо только «распрямить» человѣка. «И желаніе выпрямить, высвободить искалѣченного теперешняго человѣка для... свѣтлаго будущаго... радостно возникаетъ въ душѣ». Даже одно воспоминаніе о прекрасномъ образѣ ободряетъ въ послѣдствіи человѣка, обезсиленнаго тяжелою жизнью, и даетъ ему новые импульсы для борьбы съ ея уродствами.

Эстетика отвѣчаетъ насущной потребности человѣка. Онъ можетъ закрыть наглухо для себя міръ прекраснаго по нравственнымъ побужденіямъ, но никогда въ глубинѣ души не примирится съ этимъ. Сведите все къ одному нравственному—и вы окарнаете жизнь, окарнаете человѣческую природу. Нельзя дѣлать изъ будней вѣчнаго праздника (вѣдь это все-таки въ концѣ-концовъ будетъ не праздникъ, а будни съ подкрашенной праздничной фizioноміей), но нельзя и праздникъ дѣлать буднями. Да, прежде всего, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Примемъ за руководящій принципъ требованія морали и совѣсти,—намъ еще останется огромная область красоты, далекая отъ столкновеній съ требованіями нравственности. Бываютъ моменты, когда нравственное сознаніе заставляетъ отвергать эстетику, даже вооружаться противъ нея; но въ общемъ причиной скудости въ жизни человѣка эстетическихъ впечатлѣній является не какой-нибудь строгій нравственный принципъ, не мотивы совѣсти, состраданія, самоотверженія, а гораздо чаще—просто неразвитое или испорченное чувство красоты. Если, какъ это бываетъ нерѣдко, вся эстетика сводится у человѣка къ оперѣ, картинной выставкѣ, да къ стихамъ, то, разумѣется, эстетическій регистръ будетъ у него не великъ. Но если въ немъ съ дѣтства развивали любовь къ природѣ, умѣніе наслаждаться ея безчисленными красками, то ему не будетъ надобности ѣхать куда-нибудь въ Италію для того, чтобы налюбоваться красотою природы: онъ вездѣ найдетъ ихъ, подмѣтитъ и почувствуетъ,—и это будетъ огромнымъ вкладомъ въ эстетическую

сторону его жизни. А для того, кто научился смотрѣть на звѣздное небо, оно явится неисчерпаемымъ и вѣчно живымъ источникомъ красоты... Развейте широко въ человѣкѣ эстетическое чувство,—и онъ повсюду увидитъ блески прекраснаго, которыя могутъ скрасить ему жизнь и давать отдыхъ его усталой отъ борьбы душѣ. Надо только, чтобы эстетическое развитіе не опережало нравственнаго, чтобы красота уравнивалась совѣстью, и тогда коллизія между той и другой потеряетъ свой рѣжущій характеръ или будетъ ощущаться только въ исключительныхъ случаяхъ.

Но есть еще область, гдѣ эстетическое нераздѣльно сливается съ нравственнымъ: это—область нравственно прекраснаго, красота чувства, мысли, воли, красота души и ея отдѣльныхъ свойствъ. Гюйо видитъ тождественность добра и красоты какъ въ дѣйствіяхъ (напр., подвиги самопожертвованія), такъ и въ сферахъ чувствованій: сочувствіе, состраданіе, негодованіе и др. По его мнѣнію, красота чувства «состоитъ въ соединеніи силы, гармоніи и граціозности», а признаки эти, въ глазахъ Гюйо, присущи одновременно «и добру, и красотѣ», такъ что у него невольно является вопросъ: «существуетъ ли въ области чувствъ какое-нибудь реальное различіе между этими двумя названіями?»

Путь, по которому можно достигъ прочнаго примиренія между эстетикой и моралью,—это тотъ же самый путь, что ведетъ къ всестороннему развитію человѣческой личности. Для человѣка, въ которомъ личность высоко развита, не оказывается надобности комкать свою душу, чтобы выполнить нравственныя требованія: его жизнь и дѣятельность представляютъ собою свободное, непосредственное творчество, направленное къ осуществленію идеала. Въ разнообразныхъ проявленіяхъ самопожертвованія, въ которыхъ выражается нравственная воля, онъ ощущаетъ нравственную *красоту*, т.-е. испытываетъ не только моральное, но и своего рода эстетическое удовлетвореніе, а въ различныхъ формахъ красоты онъ находитъ отраженіе конечнаго идеала. Для него широко раздвинуты предѣлы прекраснаго, и онъ чувствуетъ красоту тамъ, гдѣ для другихъ нѣтъ ровно ничего

Эстетическаго: онъ подмѣчаетъ крупицы чистаго золота въ самой, повидимому, сѣрой будничной дѣйствительности, какъ художникъ, открывающій бездну красоты въ самомъ сѣренькомъ пейзажѣ. Если эстетичность натуры или отдѣльныя эстетическія дарованія, при полномъ равнодушіи къ нравственному смыслу жизни и дѣятельности, можно встрѣтить въ очень мелкой по калибру личности; если крѣпкая нравственная воля, въ связи съ неспособностью чувствовать и любить красоту, указываетъ на извѣстную узость и ограниченность, то внутренняя гармонія между эстетическимъ и моральнымъ, живой синтезъ ихъ требуютъ широкаго развитія личности: что не умѣщается въ маленькой душѣ, то можетъ свободно вмѣстить въ себя—большая. Такимъ образомъ проблема красоты и морали можетъ найти удовлетворительное разрѣшеніе въ вопросѣ о личности.

Н. Тимковскій.

